

МИССИЯ ПРАВОВЕДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ Р. КОТТЕРЕЛЛА*

Глобальные трансформации современного мира, текучесть и непредсказуемость формируемого на наших глазах «общества риска» ставят проблему сохранения права как института, регламентирующего социальную жизнь и международное общение, актуализируя вопросы ответственности юридического сообщества. В связи с этим в работе дается анализ концепции британского исследователя Роджера Коттерелла, нацеленной на объяснение ответственности правоведа за благосостояние права в изменяющихся исторических обстоятельствах.

Р. Коттерелл обращается к особой миссии правоведа в обществе как моральной ответственности исполнителей социально значимых профессиональных ролей по анализу, защите и продвижению ценности/благополучия права как особой практической идеи и социальной практики. По мысли автора, роль правоведа не ограничена разрешением конкретных дел (судьи), представлением интересов клиентов (юристы-практики) или использованием права как средства власти/управления (законодатели и администраторы). Ответственность правоведа относится к праву в целом как общей практической идее или ее воплощению в близкой правоведа правовой системе (типе систем). Он сосредоточен на ценности права как института, «пристрастном» осмыслении всех аспектов его «благополучия»: ясности, последовательности, справедливости, непротиворечивости, репутации, доступности, применимости, эффективности. С другой стороны, правоведа ответственен не перед какой-либо теоретической дисциплиной/системой (философ или социолог права), а перед самим правом как хронотопическим полем практики и опыта. В отличие от ученого-юриста, правоведа скорее привержен праву (его ценности), чем науке, задачей которой может быть сбор

---

*Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-011-01213.

данных о праве или его демистификация. Роль правоведа, таким образом, задана двумя перспективами: широким воззрением на право с точки зрения философии и социальных наук и его рассмотрением в аспекте особенностей юридической практики и правовых реформ¹.

Особая миссия правоведа в изменяющихся условиях обсуждается Р. Коттереллом через сравнение подходов немецкого ученого-юриста Густава Радбруха (1878–1949) — отстаивающего тезис о моральной ответственности правоведа за благополучие права — и его американского коллеги Рональда Дворкина (1931–2013). Авторы разделяют ряд общих позиций. 1) Право — *ценностно-ориентированное культурное явление*, выражающее базовые ценности политического сообщества. Правовед ответственен за их выявление и соединение через реконструкцию практического развития права во времени при сохранении связи юридической/судебной практики с правом как доктриной — особым сочетанием ценностей («идеей права» по Г. Радбруху или «целостностью права» по Р. Дворкину). 2) Связь юриспруденции с конкретными *правовыми темами, меняющимися в зависимости от места и времени*. Г. Радбрух увязывал базовые правовые ценности, ставя вопрос об изменении этой связи и содержания ценностей в различных обстоятельствах. Р. Дворкин же использовал свою «юриспруденцию принципов» как практическое оружие для оценки изменений в праве (в том числе критики решений, подрывающих целостность права). 3) Связь роли правоведа с *постоянной эволюцией ценностей права*. Для Р. Дворкина таковая реализуется в бесконечной реинтерпретации права: его (судейской) трактовке через призму наиболее «здоровой» теории, дающей «наилучшее» прочтение правовой доктрины и способ интеграции правовых стандартов в их применении к конкретным случаям. Для Г. Радбруха же такая интеграция заключается в снятии непримиримого напряжения между базовыми ценностями правопорядка, в нахождении их контекстуально изменчивого

---

¹ См.: Коттерелл Р. Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Правоведение. 2013. № 2. С. 225-229.

компромисса/баланса. Вместе с тем, по Р. Коттереллу, «стили» авторов различны. Р. Дворкин безоговорочно привержен философской системе ценностей. Право для него — подраздел политической морали, часть большой и сложной философской теории, предлагающей «путь жизнь». Отсюда роль философа права состоит в рациональной разработке (конструировании из общепринятых, но разрозненных моральных целей, реакций и традиций) и объединении базовых ценностей и принципов. Стиль же Г. Радбруха *релятивен*: «благополучие» права — изменчивое понятие, неопределимое во вневременной перспективе, поэтому правовед хранит верность идее права, оставаясь в контексте правоприменения и не углубляясь в разработку абстрактных философских доктрин. Для Р. Коттерелла образцом правоведа выступает именно Г. Радбрух, тогда как Р. Дворкин в конечном счете — философ, иногда носивший мантию правоведа¹.

Развивая подход Г. Радбруха, Р. Коттерелл подчеркивает необходимую *гибкость* мышления правоведа. Он должен, с одной стороны, обеспечить «*независимую судьбу*» идеи права и ее конкретных воплощений от давления «внешних» интеллектуальных систем (экономической, социологической, политической, моральной), с другой — учитывать *реальные* критерии оценки права и его благополучия. Такая гибкость проявляется в восприятии права как «изменчивой геометрической структуры» или «треугольника» базовых ценностей: справедливости (равного отношения к равным случаям), порядка (формальной определенности) и цели (пользы). Порядок и справедливость суть постоянные/технические ценности, обуславливающие действенность права как системы правил: при любом изменении контекстов эти ценности — всегда предмет анализа и служения со стороны правоведа. «Цель» образует социальный аспект идеи права, его конкретно-исторические задачи, определяет

---

¹ См.: *Коттерелл Р.* Указ. соч. С. 229-232. — См. также: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004; *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, Ma., 1986. — Как полагаем, в своей оценке Р. Коттерелл не учитывает ряд аспектов теории Р. Дворкина, близких образу «правоведа»: ее практическую направленность, пароксизмальность, ценностную ангажированность и пр., а также то, что ее «тотальность» — скорее элемент «стиля» рассуждений, чем исходная позиция. К тому же, Р. Дворкин скорее исходит из изменчивости права как продолжения политической морали общества, чем из самостоятельной идеи эволюции/прогресса правовых ценностей.

критерии порядка и справедливости, их культурную значимость и осуществимость в разных контекстах. Отсюда помимо «технического» примирения ценностей порядка и справедливости правовед нуждается в анализе права как воплощения культурных стремлений и ожиданий, в соотнесении его ценностей на базе *социологической* экспликации взглядов конкретного сообщества¹.

Технический и социальный аспекты права связаны воедино континуумом. Лишь в крайних случаях существование права становится вопросом «все или ничего», требуя протеста правоведа против разрушения его начал. В «обычные» же времена социальный порядок является более или менее правовым, а оптимальный баланс ценностей остается на индивидуальное усмотрение: легальность — это вопрос меры, и задача правоведа состоит в ее конструировании как ценностной/легитимационной структуры. Релятивность такого подхода является недостатком лишь для философских систем, претендующих на целостное и вневременное объяснение феномена права. Для правоведа же теория мыслится как помощь *юридическому ремеслу*: мудрость правоведа — в идее юридического ремесла, практикуемого на самом высоком уровне².

Выявление социальной «цели» права требует от правоведа его демонстрации и продвижения как гибкой, общепользуемой и объединяющей ценностной структуры/силы, отличной от интересов государственного аппарата и частных лиц, *упорядочивающей и уравнивающей социальное разнообразие*. Философ (в духе Р. Дворкина) устраняет социальный конфликт через поиск/конструирование глубинных объединяющих принципов, признаваемых разумными людьми как обоснование политико-правовых идеалов. Подход же правоведа — точное определение того, в чем состоит конфликт и как на него можно ответить. Тем самым обеспечивается выживание права как идеи и универсального блага в меняющихся обстоятельствах. Таким

---

¹ См.: Коттерелл Р. Указ. соч. С. 231-237.

² См.: Там же. С. 234-237.

образом, роль правоведа не сводится к сохранению техник юридической мысли, но и учитывает ответственность права за развитие социального порядка и справедливости. В таком качестве его миссия является наиболее важной из всех видов юридической деятельности¹.

Оценивая концепцию Роджера Коттерелла, следует отметить фундаментальность проблемы моральной ответственности правоведов с точки зрения как выживания/успеха института права в меняющихся обстоятельствах, так и ценностно-методологических параметров того, «как делать юриспруденцию». В современном российском контексте это, среди прочего, акцентирует важность удержания «собственно юридической» оценки происходящего и аргументации социально-значимых решений, необходимость усиления роли юридического (правоведческого) сообщества в обсуждении актуальных тем и продвижения своей позиции.

Вместе с тем, сама концепция Р. Коттерелла вызывает вопросы.

Во-первых, автор, с одной стороны, подменяет традиционное видение правоведа как знатока/теоретика права, с другой — ограничительно связывает «разлитую в обществе» функцию защиты благополучия права лишь со статусом правоведа. К тому же, вопреки Р. Коттереллу, важность такой правоведческой миссии в системе юридической деятельности относительна и зависит, в том числе, от организации правовой системы и развитости научного сообщества.

Во-вторых, автор сознательно не обсуждает вопрос о понятии и «аналитической структуре» права как вторичный/«технический». Между тем, различные его решения в меняющихся культурно-исторических и идейно-практических контекстах формируют конкурирующие трактовки миссии правоведа (того, что собственно должно поддерживаться и как). То же касается ценностного аспекта права — как состава и иерархии правовых ценностей (например, веса прав личности), так и обоснования самого права в

---

¹ См.: Там же. С. 237-239.

правоведческой деятельности: на чем строится идея универсальной ценности права и подлежит ли оно защите при любых обстоятельствах?

В-третьих, вопреки Р. Коттереллу, допустимы различные способы «служения праву». Это означает возможность для правоведа использовать разные методологические схемы, включая создание ценностно-нейтральных описаний права, отличных от правовой идеологии/критики (Г. Кельзен, Г. Харт, Дж. Раз), подчинение юриспруденции политической и моральной философии (Р. Дворкин) и др.

В-четвертых, что особенно важно, концепция Р. Коттерелла игнорирует феномен международного права, нуждаясь в соответствующем развитии и проблематизации в контексте глобальной нестабильности. С одной стороны, вслед за мыслителем, можно утверждать, что миссия правоведа здесь будет заключаться в обеспечении благополучия международного права по аналогии с правом внутригосударственным. Даже в ситуации глобальных радикальных трансформаций и конфликтов требуется удержание их независимой юридической оценки и продвижение права как структуры, эксплицирующей и (справедливо) упорядочивающей разнообразие национальных и т.п. юридически значимых интересов. При этом должна сохраняться гибкость/«объемность» позиции: сочетание реальных критериев, заданных стандартами и практиками международно-правового общения, и верности идее и ценностям права¹. С другой стороны, подобная установка видится недостаточной. Как отмечалось, в зависимости от подхода проблемным может оказаться «юридический статус» и ценностные начала международного права (та же идея справедливости миропорядка). К тому же, правовец, действуя в контексте, может принимать альтернативные варианты соотношения международного и внутригосударственного права, что дает разные приоритеты, в частности, ответы на вопрос, должно ли хранить верность международному

---

¹ Интересным здесь будет вопрос: оправданно ли использование неправовых средств для защиты глобального правопорядка, в том числе если сами международно-правовые инструменты используются для его разрушения (вопреки его смыслу)? По-видимому, подход Р. Коттерела допускает это как крайний вариант компромисса правовых ценностей при сохранении ориентации на идею/благополучие права.

праву при его использовании против национального правопорядка? Далее, реализация подхода Р. Коттерела требует и концепции легитимных интересов, подлежащих международно-правовому признанию, а также их надлежащего баланса (иерархии). Наконец, нуждается в решении проблема конкуренции/конфликта социальных ролей и тем самым предельных оснований верности именно роли правоведа. В этом плане институциональная, культурная, биографическая и пр. перспектива правоведа, судя по всему, будет обуславливать не только выбор внутригосударственного права в противовес международному, но и возможное приостановление служения праву (или даже отказ от такового) в пользу сохранения более важных, высших ценностей.